

Екатерина РУДИК

КУПЕЦ ИЗ ВЕНЦЕЛЕВО

Проза 80-х

В прошлом веке забайкальские казаки спустились по Шилке и Аргуни, заселили приамурские земли, в частности, берега Венцелевской протоки.
Из школьного учебника по истории

Когда ученики 8-го класса пришли в дом Духовниковых и попросили хозяина, старика с белой, как лунь, окладистой бородой, рассказать об истории села, Федор Алексеевич разволновался. Бросился по комнатам искать табуретки. И только когда надел новую рубаху, а жена Манефа Леонидовна постелила свежую скатерть, уселся рядом с ребятами, положил руки на край стола в ожидании вопросов.

По правде говоря, школьники, отправляясь сюда, с трудом верили, что дед может пролить большой свет на историю заселения Приамурья, чем учебник истории, ведь года-то какие дедовы - 86 лет, но с первых слов убедились в ином. Только Манефа Леонидовна, она моложе мужа на десять лет, шепнула: «Спрашивайте громче, а то старик глух на ухо».

- Перво-наперво у меня было девять братьев, - начал старожил. - А у моего отца восемь братьев. В таком составе отцы кочевали. Когда им выпала доля искать земли, разобрали в Забайкалье дом, построили из него плот. Всю скотину с собой погрузили, курей, лошадей, поросят и по двум речкам поплыли. Долго ли плыли? Длинно плыли, как вода несла. Высадились сначала в Нагибово. Плот разобрали и из него дом снова построили. Да не повезло, место низкое, стало затапливать. Тогда перебрались в Венцелево.

Обо всем этом мне брат Никула сказывал. Ему десять лет было, когда его на Амур привезли. А помер он здесь. 98 лет от роду, трех дней не дожил до конца второй мировой войны. Колхозную пенсию получал.

- А почему вы сюда приехали из Забайкалья? - спросила девочка с аккуратными косичками. На нее тотчас зашикали одноклассники: «А ты что, из истории не знаешь, что после реформы царь издал указ заселять Дальний Восток?»

- Я-то уже здесь, в Венцелево родился, - продолжал Духовников. - А Никула сказывал, что когда вышел указ селиться, жребий пал на зажиточного купца. Ехать он не хотел. Дал лошадь, корову моему отцу, он-то был бедняк, а за это бате пришлось ехать.

Да, прожил он недолго. Это уже при мне случилось, когда ставил дом и крыл крышу в Венцелево, оступился, упал. Да не поднялся. К тому времени, в 1900-м году я еще мальчик, был, а взрослые братья стали отделяться, строиться.

Где колхозные поля нынче, тайга дремучая стояла. Зверей много было - сохатый, медведь, секач. Из нашего дома гряды темного леса виднелись. Помню, деревья, особенно дубы, толсты были, в два обхвата. Корчевали вручную: окопашь такой дуб, вагу - бревно подведешь под корни, и человек шесть давят на нее. Так вот землю отвоевывали и кормились ею.

В комнату неслышно вошел Мирон - 50-летний сын Федора Алексеевича, механизатор. Осмотрел гостей, с любопытством прислушиваясь, хотя ничего нового в этом рассказе не было. С пяти лет отец стал брать Мирона в лес. К делу, правда, не допускал, а брал, лишь бы с кем разговаривать в тайге. Поэтому Мирон знал, что коропуля - деревянная соха и соха-суковатка были главным орудием труда первых венцелевских земледельцев. Сейчас трактор, на котором Мирон проработал 30 лет, может в десять раз быстрее сделать ту работу. А ребятам рассказы деда, что сказки.

- Отцов дом достался младшему - мне. Да ветх стал. Когда после революции беляков погнали, и я строиться начал! А у Гошки Козлова, что по соседству живет, еще забайкальский дом стоит. Гошкин дед, казак, на нем приплыл из Забайкалья.

И ребята удивляются, ведь десятки раз проходили мимо дома Козловых, не догадываясь, что он стоял еще в неведомых казацких станицах. Открытием было для детей и то, что первую школу строили «натурой» - с каждой «души» по три бревна, а если не могли представить бревна, платили деньгами. Вот будет разговоров на уроке истории!

Так в школьном альбоме «Наше Венцелево» появились первые записи об истории села.

**И встретились два солдата царской армии, служившие 50 лет
назад в Екатерино-Никольском. Едва растащили двух дедов.
(Из рассказа жителей с.Екатерино-Никольское)**

За всю долгую жизнь Федор Алексеевич дважды выезжал из Венцелево. Первый раз, когда его призвали в царскую армию. А второй - по личной надобности: внук Виктор нашел себе невесту в Екатерино-Никольском, и дед, как глава большой семьи, по старому обычаю поехал сватать.

Сбежалось все село, поглазеть, как это будет. А обряд был на редкость лаконично укороченным. Сваты приехали не на конях, а на совхозном «газике», и вел автомобиль сам жених, только встретили сватов не открытые ворота дома невесты, а весьма символично забитые досками, - одним словом, требовался выкуп. Дед медлить не стал, выкуп выставил, невесту - на переднее сиденье и айда, было, в Венцелево. И тут увидел у ограды знакомое лицо. Если бы не седые патлы на голове и согнутые плечи, был бы похож незнакомец на друга молодости, с кем служил в 1914 году - Только Рюмкина. На всякий случай подошел, всмотрелся - Рюмкин! Друзья кинулись в объятия, и в какую-то минуту ослабели ноги. Так их, обнявшихся, и повели.

Всю ночь не гас свет в притихшем доме Рюмкиных. И двое солдат царской армии говорили. О чем? О чем говорят люди, не видевшиеся полвека. Может быть, не сказали, а подумали одновременно с горечью, какие мы стали деды. А Духовников заметил: «Не признал лица моего? Эти шрамы от сабельных ударов в гражданскую». И поведал, как здесь, в лесу, беляки стреляли в него, словно в зверя, 18 дробин так и осталось над переносицей, нынче совхозный доктор вытащил две дробины. И припомнил выжнюю ночь, когда увозил хитростью от беляков обоз с оружием и бочками рыбы, которую добывали венцелевцы для красных партизан.

А как же не похвастать перед товарищем юности, что у него, Духовникова шестеро детей, 13 внуков и столько же правнуков. Да это же огромный капитал его, Духовникова. Все в люди вышли. И в селе с ним все почтительно раскланиваются. Если бы забайкальские батраки видели такое, приняли бы его, Духовникова, за всамделишного купца.

И вполне вероятно, что бывшие сослуживцы припомнили комический случай, происшедший в 1914 году здесь, в Екатерино-Никольском, из-за которого солдат Духовников получил арест. А виновата была капризная барыня. Офицерши веселились на масленицу, лепили снежных баб, с визгом скатывались с ледяной горки. Одна дама обратилась к солдатам и с азартом потребовала: «А ну, кто из вас смелый и прокатится со мной с горки». Все молчали. «Эх, вы, еще русские солдаты!» - подзадорила она. Тогда Федор Духовников вышел из строя и, придерживая барыню, скатился вниз. Не успев стать в строй, был арестован на десять суток. А солдаты посмеивались: вот тебе масленица - прощенный день.

**«Трактористу С. М. Духовникову после 4-дневного
отпуска без содержания приступить к работе».**

Из приказа председателя Лермонтовского совхоза.

То, что внук, тракторист Сергей, разругавшись с начальством, собирается навсегда покинуть Венцелево, для деда было ударом. Сергей недавно демобилизовался, у него двое детей. Дали ему трактор, выдавший виды. Только отремонтирует, выйдет в поле и снова стоит на ремонте. Прежний управляющий обещал дать новую машину, да уволился. А нынешний и разговаривать не стал. Вот Сережка и взбунтовался. Не посоветовавшись, боялся деда, уехал на четыре дня искать новое место работы в леспромхозе. И Федор Алексеевич места себе не находил.

В один из таких дней я застала старшего Духовникова дома. Был он милый, бесхитростный старик и сразу же поведал о Сергее и своей тревоге: «Неужто уедет? Как же так?» - растерянно повторял он. И чтобы ни делал: качал ли мед, кормил гусей или бегал на колхозное поле смотреть, может, овощеводам не хватает тары, да следует запрячь Малютку и привезти ящики, мысли старика кружились вокруг поступка внука. И я понимала его огорчение. Землю-кормилицу, в снегу ли она, в дожде, засухе, землю, в которую отцы, деды, братья вкладывали силу рук, сердце, упорство, покинуть, пренебречь семейной традицией - это больно. Для старшего Духовникова было вполне естественно, что все его дети, внуки, правнуки породнились с землей отцов и, как только руки набирали силу, умение, верой и правдой служили ей. Механизаторы, доярки, овощеводы, полеводы Духовниковы составляли главный костяк совхоза. А тут любимый внук на сторону поглядывает.

- Ежели Сережка сбегит, то жена за ним, а она у него агроном. Да у них двое ребят. Считаю, четверых совхоз недосчитает, - волновался дед.

Когда наступили сумерки, с вечерней дойки вернулись внучки, доярки Валя и Оля Духовниковы, и не получив ответа на вопрос «Дядька вернулся?», молча стали готовить на летней кухне ужин. Усталая приехала из Ленинского невестка, жена Мирона. Бригадир овощеводов Мария Никитична возила сдавать на заготовительный пункт помидоры, огурцы. И сразу же с порога спросила: «Сергей вернулся?»

Все втайне ждали последнего автобуса. Эта был четвертый день непредвиденной отлучки Сергея. И мы с Федором Алексеевичем не выдержали, пошли на остановку.

Стояла полная луна, освещая мягким светом совхозные поля. Они раскинулись на много верст. Если бы не дальние сопки и серебристый зигзаг протоки, слились бы с горизонтом. А когда-то здесь стояла тайга...

Слышался мерный перезвон колокольчиков – где-то поблизости паслись лошади, громыхнула машина, видно, прошел автобус. Но на остановке никого не было.

- Мой бы отец лишнего говорить не стал, а за такие дела снял бы ремень, - не унимался дед. Чтобы отвлечь его от тяжелых мыслей, спросила:

- Кто здесь старше вас? - И поразилась: озабоченного деда словно подменили, он заулыбался и с поспешностью ответил:

- Меня-то? Сейчас я самый старый в Венцелево остался. - И была светлая гордость в этих словах человека, достойно прожившего жизнь.

Когда мы вошли в дом, на кухне мирно, как ни в чем не бывало, сидел Сергей. Видно, разошлись с ним по дороге. На коленях его возилась дочурка Лариса. Мать Мария Никитична повеселела, усталости как не бывало: руки ее, казалось, летали над сковородками, кастрюлями. И на немой, радостный вопрос Федора Алексеевича, кинувшегося к внуку, Сергей ответил озорно, пряча виноватость:

- В гостях хорошо, а дома лучше. Считаю, дед, никуда я не ездил. Так, проветрился.

(с. Венцелево, ЕАО)